

УДК 821.161.1-1

**БЛОКОВСКИЕ ИСТОКИ СТИХОТВОРЕНИЯ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ  
«НЕ БРОДЯГИ, НЕ ПРОПОЙЦЫ...»**

© 2011 г.

*М.А. Александрова, Д.В. Мосова*

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

nam-s-toboi@mail.ru

*Поступила в редакцию 14.03.2011*

Выявляются блоковские истоки раннего стихотворения Б. Окуджавы «Не бродяги, не пропойцы...», анализируются закономерности творческой рецепции образности Блока.

*Ключевые слова:* Окуджавы, Блок, символизм, символ, метафора, реминисценция, рецепция.

Тема «Окуджавы и Блок» активно разрабатывается в современной филологии. В.И. Новиков пишет о «глубокой причастности Окуджавы к контексту русского поэтического модернизма», о «свободном поэтическом диалоге» с Блоком [1, с. 23–25]. О.А. Клинг, постулируя творческое влияние старшего поэта, выявляет целый ряд общих для Блока и Окуджавы мифологем [2, с. 97–111]. По мнению А.К. Жолковского, поэзия Окуджавы может быть отнесена к «некой популярной версии символизма, с его аллегорическим просвечиванием идей сквозь земные оболочки», а сам поэт занимает в современной литературе место, «зеркально симметричное» Блоку [3, с. 135]. Л.С. Дубшан, не принимая снисходительного тона А.К. Жолковского, подчеркивает, что демократичный символизм Окуджавы оправдан живой связью с лексикой и интонациями «улицы», что такие качества его поэзии, как парадоксальность, оксюморонность, глубоко родственны Блоку [4, с. 28–29]. Самые смелые сближения двух поэтов принадлежат Д.Л. Быкову: Окуджавы, с его точки зрения, не только «последний символист», но и своеобразная «реинкарнация Блока» [5, с. 11]. Это публицистическое преувеличение свидетельствует, что вопрос о блоковских истоках творчества Окуджавы еще далек от разрешения.

Диалог Окуджавы с Блоком наиболее очевиден в тех стихотворениях, где последовательно развивается сюжет ожидания, встречи, преображения («Мне нужно на кого-нибудь молиться...», «Ваше величество женщина»), где героиня именуется по-блоковски *Дамой* («Еще один романс», «Стала чаще и чаще являться ко мне...» и др.), а двойником-соперником лирического героя становится *Рыцарь-Несчастье* (эта оппозиция в стихотворении «Несчастье»

восходит к паре «Гаэтан – Бертран» в драме «Роза и крест»). Раннее стихотворение-песня «Не бродяги, не пропойцы...» (1957) в этот ряд до сих не включалось, что можно объяснить воздействием его особой – «неблоковской» – интонации: «Не бродяги, не пропойцы, / за столом семи морей / вы пропойте, вы пропойте / славу женщине моей!» [6, с. 142]. Такая форма провозглашения авторского идеала не ассоциируется в сознании читателя с обобщенным образом лирики Блока, с «блоковским мифом» отечественной культуры. Между тем следует принять во внимание, что «второе открытие» Блока в период оттепели было актом личного и творческого самоутверждения для нового поколения поэтов [7, с. 268–271]. К числу отвоеванных у эпохи ценностей принадлежало и поклонение Вечной Женственности. М.О. Чудакова констатирует: в 1950-е годы «Окуджаве придется заново вводить в лирический обиход слово “женщина” под гром обвинений в пошлости» [8, с. 69]. Закономерно, что его ранний текст излучает энергию преодоления запрета.

Блоковская ориентация выражается в следующих признаках, характерных для множества стихотворений Окуджавы: образы двоемирия; акцент на метафорической границе миров; символизация синего цвета; *взор* как форма контакта с идеалом; сама лирическая ситуация служения *Ей, женщине*. О вполне конкретном блоковском претексте позволяет говорить финальная строфа: «Просто нужно очень верить / этим синим маякам, / и тогда неожиданный берег / из тумана выйдет к вам» [6, с. 142]; здесь узнаваем кульминационный образ «Незнакомки»: «И очи синие, бездонные / Цветут на дальнем берегу» [9, с. 177].

Общепризнано, что «Незнакомка», наряду со «Стихами о Прекрасной Даме», стала важнейшим для поэтов XX века источником идеализирующих образов. Героини Блока, будучи восприняты первыми читателями как антиподы-двойники [10, с. 455], сливаются в единый символ уже в некрологах 1921 года, в статьях на годовщину смерти поэта; достаточно сравнить строки Маяковского: «Я слушал его в мае этого года в Москве... он тихо и грустно читал старые строки о цыганском пении, о любви, о *прекрасной даме*...» [11, с. 630] и Мандельштама: «О Блоке можно сказать – поэт *Незнакомки* и русской культуры» [12, с. 191]. В поэме Маяковского «Хорошо!» именно *Незнакомка* становится олицетворением уходящей России: «Кругом / тонула / Россия Блока... // *Незнакомки*, / дымки севера // шли на дно...» [11, с. 374]. В сознании следующих поколений целостный образ идеальной героини Блока утвердился окончательно, что подтверждает и высказывание французского критика Маррана о стихотворении Окуджавы «Ваше величество женщина»: «Это блоковская *незнакомка* нынешнего городского поэта, его *Прекрасная дама*» [13, с. 337].

Осмыслить закономерности «судьбы» *Незнакомки* в послеблоковской лирике позволяет анализ первоисточника, предпринятый З.Г. Минц: «Три части, на которые отчетливо делится текст, дают три разных ответа на вопрос о природе “высокого” поэтического идеала. Первая часть – иронична... Иронический эффект вызывается столкновением поэтической лексики и символики “первого тома” со “сниженным” бытом и реалиями. Так, “вечера” в “Стихах о Прекрасной Даме” – символическое время мистической встречи с “Закатной Девой”. В “Незнакомке” же они становятся “вечерами над ресторанами” – временем дачного флирта и весьма двусмысленных свиданий. <...> Вторая часть – лирическая... невозможная в лирике “первого тома” предметность описаний (“И шляпа с траурными перьями, / И в кольцах узкая рука”) связана со стиранием граней между “бытовизмами” и “поэтизмами” в блоковской лирике этих лет. И, наконец, третья часть <...> возвращает нас, уже в форме прямой поэтической декларации, к мысли о нереальности поэтического идеала. <...> Уже сама возможность тройной интерпретации придает стихотворению оттенок “релятивности” и скептицизма. Вместе с тем, однако, она оставляет центральный вопрос открытым, “таинственным” и нерешенным» [14, с. 433–434].

Поэты XX столетия, замороженные «таинственным» вопросом Блока, отзывались в своем

творчестве прежде всего на лирическую (срединную) часть «Незнакомки», и Окуджава в этом отношении следует общей тенденции: его героине возвращен статус Прекрасной Дамы, отношение к ней лишено какой бы то ни было двусмысленности. Тем не менее для него значимы блоковские диссонансы, которые требуют преодоления.

Отсюда неожиданный, на первый взгляд, способ представления лирического «я» – через отрицание: «Не бродяги, не пропойцы...» Энергичный словесный жест, адресованный, как было показано выше, предубежденным современникам, обращен в то же время к лирическому герою «Незнакомки» – *пропойце*, завсегдагаю пригородных ресторанов («И каждый вечер друг единственный / В моем стакане отражен...» [9, с. 176]; *бродяга* – тоже устойчивое самоопределение героя второй книги стихов Блока). Блоковскому одиночеству в толпе Окуджава противопоставляет хоровое единство, в котором первенствует лирический голос, побуждающий друзей: «...вы пропойте, вы пропойте / славу женщине моей!» Если у Блока видение Женственности доступно одному, то в стихотворении Окуджавы каждый из участников «хора» приобщен к идеалу, носители лирического переживания обозначены как «вы» (а затем как «мы»): «Вы в глаза ее взгляните, / как в спасение свое, / вы сравните, вы сравните / с близким берегом ее».

Мир Окуджавы, замечает А.К. Жолковский, «дуален <...> и символичен. Он строится на концепции идеала, стоящего над тяжелой реальностью и позволяющего надеяться на его воплощение в ней» [3, с. 114]. Этот общий принцип организации художественной вселенной «последнего символиста» может быть уточнен благодаря блоковскому фону стихотворения. На двоимирие указывает не только традиционная метафора *берега*, но и мотив *спасения*, определяющий положение героев Окуджавы: подразумевается, что в *спасении* они нуждаются. Парадокс заключается в том, что сфера земного (место пребывания «я» и хорового «мы») отнюдь не обесценена для поэта. В то время как у Блока всё дальше, посюстороннее предстает оскорбительно пошлым и сам мечтатель отмечен чертами ущербности, Окуджава настаивает на праве своих героев быть вполне земными; ведь именно *здесь* осознается ценность воспарения: «Мы *земных земней*. И вовсе / к черту сказки о богах! / Просто мы *на крыльях носим* / то, что *носят на руках*». Поэт варьирует устойчивый оборот речи: *носить любимую на руках*. «Носить на крыльях» означает не что

иное, как рыцарски служить идеалу, олицетворенному в «женщине моей». И поэтическая формула «женщина моя» (выразительность эпитета-местоимения усилена благодаря инверсии), и в особенности сравнение женщины с «близким берегом» (на фоне блоковского «дальнего берега», где цветут «очи синие бездонные») – всё это знаки преобразования текста-источника в творческом сознании Окуджавы.

В контексте диалога Окуджавы с Блоком наиболее остро противопоставлены два символических топоса: ресторан – средоточие земной пошлости, где «рядом у соседних столиков / Лакеи сонные торчат, / И пьяницы с глазами кроликов / “In vino veritas!” кричат», и пир «за столом семи морей», совершающийся как бы в центре мирового пространства; формула «не бродяги, не пропойцы» связывает их по принципу логической антитезы. Связь другого уровня можно обнаружить, проследив некоторые закономерности в движении блоковских образов.

Исследователи Блока давно отметили особую функцию мотива опьянения: актуализация то буквального, то метафорического его содержания делает лирического героя «Незнакомки» и бессильным, подобным своему ресторанному окружению, и всевластным, творчески преобразующим мир. Кульминационный образ («И перья страуса склоненные / В моем качаются мозгу, / И очи синие, бездонные / Цветут на дальнем берегу») предстает *размытым* в прямом и переносном смысле: он рожден из «влаги терпкой и таинственной», из родственного ей тумана («В туманном движется окне... Дыша духами и туманами...»); наконец, метафора «дальнего берега» сообщает свойства водной стихии, *моря* тому условному пространству, что разделяет двоих без надежды на встречу – но и соединяет их общей тайной. Предпоследняя строфа ощутимо передает, благодаря своей ритмической плавности, колыхание незримых волн, которому вторит качание «траурных перьев» Ее земного убора. «Его стихи были как влага. Он <...> давал им волю *струиться*», – обобщал свои читательские впечатления К.И. Чуковский [10, с. 439].

Характеризуя неуволнимую «текучесть» стихового образа как мотивировку «водной», морской и речной атрибутики Окуджавы, З.С. Паперный особо выделяет стихотворение «Не бродяги, не пропойцы...» [15, с. 222–223]. Чуткость автора к поэтике предшественника закономерна. Морские ассоциации, «раздвига-

ющие» ресторанное пространство в «Незнакомке», Окуджава превратил в образ фантастического застолья, но опустил при этом промежуточные звенья, намеренно соединил начало и конец образного ряда: пир «за столом семи морей» совершается в мире, который чудесным образом пересоздан, здесь, выражаясь языком Блока, «невозможное возможно». Блоковский повод к творческому преобразению мира (опьянение) редуцируется, а высокая ценность «хмельной мечты» сохраняется и закрепляется. Оттого формула отрицания – «не бродяги, не пропойцы» – прочитывается как утверждение героев стихотворения в статусе поэтов-рыцарей. Соответственно утрачивает амбивалентность метафора *моря*: «синие маяки» глаз призывают в путь, «нежданный берег» (он же «близкий берег») сам выплывает из тумана навстречу тем, кто верит: «Просто надо очень верить...» Именно силой веры скреплен союз с идеальной героиней.

Полемизируя с Блоком, противопоставляя его раздвоенности цельность своей веры, Окуджава, разумеется, не испытывал чувства превосходства. Напротив, среди пирующих во славу «женщины моей» незримо присутствует и лирический герой «Незнакомки», тайный рыцарь Вечной Женственности. Подразумеваемое становится наглядным в стихотворении «Письмо Антокольскому» (1963); «хоровое» единство поэтов, собравшихся «за столом семи морей», здесь превращается в «корабль поэтов»: «Киплинг, как леший, в морскую дудку насвистывает без конца, / Блок над картой морей просиживает, не поднимая лица, / Пушкин долги подсчитывает, и, от вечной петли спасен, / в море вглядывается с мачты вор Франсуа Вийон!» [6, с. 245–246]. Портрет Блока-штурмана, пролагающего курс в море, определяет его место в творчестве Окуджавы 1950–1960-х годов.

#### Список литературы

1. Новиков В.И. Место Окуджавы в ряду русских поэтических классиков // Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века: Материалы Первой международной научной конференции. 1999 г. Переделкино. М.: Соль, 2001. С. 23–25.
2. Клинг О.А. «...Дальняя дорога дана тебе судьбой...». Мифологема пути в лирике Булата Окуджавы // Булат Окуджава: его круг, его век: Материалы Второй международной научной конференции. 30 ноября – 2 декабря 2001 г. Переделкино. М.: Соль, 2004. С. 97–111.

3. Жолковский А.К. «Рай, замаскированный под двор»: заметки о поэтическом мире Булата Окуджавы // Жолковский А.К. Избранные статьи о русской поэзии. М.: РГГУ, 2005. С. 109–135.
4. Дубшан Л.С. О природе вещей // Окуджава Б.Ш. Стихотворения. СПб.: Академ. проект, 2001. С. 5–55.
5. Быков Д.Л. Булат Окуджава. М.: Молодая гвардия, 2009 (Жизнь замечательных людей: сер.биогр.). 777 с.
6. Окуджава Б.Ш. Стихотворения. СПб.: Академ. проект, 2001. (Новая Библиотека поэта). 712 с.
7. Кушнер А.С. На пути к Блоку // Ленинградская панорама: Литературно-критический сборник. Л.: Сов. писатель, 1988. С. 268–281.
8. Чудакова М.О. Возвращение лирики: Булат Окуджава // Чудакова М.О. Новые работы: 2003–2006. М.: Время, 2007. С. 62–107.
9. Блок А.А. Сочинения: В 2 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 1. 815 с.
10. Чуковский К.И. Александр Блок как человек и поэт // Чуковский К.И. Сочинения: В 2 т. Т. II. М.: Правда, 1990. С. 390–497.
11. Маяковский В.В. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1988. Т. II. 768 с.
12. Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2 т. М.: Худож. литература, 1990. Т. II. 464 с.
13. Марран. Булат Окуджава и его время // Контигент. 1983. № 36. С. 329–354.
14. Минц З.Г. К генезису комического у Блока // Минц З.Г. Александр Блок и русские писатели. СПб.: Искусство–СПБ, 2000. С. 389–442.
15. Паперный З.С. «За столом семи морей» (Булат Окуджава) // Паперный З.С. Единое слово. Статьи и воспоминания. М.: Сов. писатель, 1983. С. 220–243.

**BLOK'S ORIGINS OF BULAT OKUDZHAVA'S POEM  
«YOU'RE NOT DRUNKARDS, YOU'RE NOT VAGRANTS...»**

*М.А. Aleksandrova, D.V. Mosova*

Blok's origins of Bulat Okudzhava's early poem «You're Not Drunkards, You're Not Vagrants...» are revealed, the mechanisms of the creative reception of Blok's image-sphere are analyzed.

*Keywords:* Okudzhava, Blok, symbol, symbolism, reminiscence, metaphor, reception.